

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-398-412

Научная статья

Единицы кодов культуры и их роль в формировании национального культурного пространства коренных народов России: на материале космонимов

С.В. Яковлева

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 smsfamily2@mail.ru

Аннотация. В наши дни все большую актуальность приобретает исследование вторичных языковых номинаций в качестве ментальных операций, с помощью которых осуществляется познание, структурирование и оценка знаний о мире. К таким единицам можно отнести космонимы, они обладают не только определенным культурным, ценностно-смысловым содержанием и имеют особый тип коннотативного значения, которое принято называть мифологическим, и соотносятся с единицами кодов культуры. В статье на основе рассмотрения и сопоставления космонимов, а также связанных с их происхождением мифов, легенд и сказаний, которые зафиксированы в культурных традициях коренных народов России, выявляется национально-культурная специфика космонимов, предпринята попытка соотнести космонимы с базовыми кодами культуры, а также проследить их связь с глубинными слоями культурного пространства, которые связаны с древнейшими представлениями человека о мире.

Ключевые слова: коды культуры, номинация, космоним, культурное пространство, коренные народы России, мифы

История статьи: поступила в редакцию 19.04.2022; принята к печати 18.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Яковлева С.В. Единицы кодов культуры и их роль в формировании национального культурного пространства коренных народов России: на материале космонимов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 398–412. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-398-412

© Яковлева С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Cultural Code Units and Their Role in Formation of the National Cultural Space of the Indigenous Peoples of Russia: Based on Cosmonyms

Svetlana V. Yakovleva

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation
 smsfamily2@mail.ru

Abstract. In modern linguistic science the study of nominative units is not limited to their consideration within the lexicological direction. Nowadays the research of secondary language nominations is becoming increasingly relevant as mental operations through which cognition, structuring and evaluation of knowledge about the world is carried out. Since cosmonyms can be correlated with similar units, then accordingly they have not only a certain cultural, value-semantic content and have a special type of connotative meaning, which is commonly called mythological, but they are also fully correlated with the units of cultural codes. In the paper, based on the consideration and comparison of numerous cosmonyms, as well as myths, legends and tales related to cosmonyms' origin, which are recorded in the cultural traditions of the indigenous peoples of Russia. On the one hand an attempt was made to identify their national and cultural specifics and on the other to correlate these cosmonyms with the basic cultural codes, as well as to trace their connection with the deep layers of cultural space, which are correlated with the oldest human ideas about the world.

Key words: cultural codes, nomination, cosmonym, cultural space, indigenous peoples of Russia, myth

Article history: received 19.04.2022; accepted 18.06.2022

Conflict of interests: none

For citation: Yakovleva, S.V. 2022. "Cultural Code Units and Their Role in Formation of the National Cultural Space of the Indigenous Peoples of Russia: Based on Cosmonyms". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 398—412. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-398-412

Введение

Объекты окружающего мира, выполняя знаковую функцию, приобретают некие дополнительные значения. В результате номинации подобных объектов образуются вторичные семиотические системы, имеющие непосредственную связь друг с другом. Данные имена в современной лингвистике ученые соотносят с кодами [1. С. 39]. Понятие *кода* появилось в лингвистике благодаря семиотике и основывается на законе соответствия плана содержания и плана выражения [2. С. 8]. Известный немецкий логик Г. Фреге писал о том, что у каждого знака есть предметное значение (непосредственно значение самого предмета) и смысловое значение (информация об этом предмете). Особенность смыслового значения знака (информация о предмете) заключается в том, что оно всегда будет определяться той системой, в которую входит [2. С. 7].

Отсюда вытекают два важных свойства кодов — их вторичность, а также наличие добавочного значения. При этом между этими свойствами прослеживается тесная взаимосвязь: имея первоначально свое собственное предметное значение, элементы кодов впоследствии начинают использоваться для обозначения других объектов, тем самым приобретая коннотативное значение и, соответственно, включаясь во вторичную семиотическую систему.

В этой связи рассмотрим подробнее понятие «коннотация», которое в современной научной литературе трактуется достаточно неоднозначно. Как отмечает Д.Б. Гудков, термин «коннотация» «охватывает в различных толкованиях столь разнородные объекты, что потерял главное качество научного термина — однозначность и определенность» [1. С. 43].

В понимании Ю.Д. Апресяна коннотации лексемы — это несущественные, но в то же время устойчивые признаки выражаемого данной лексемой понятия, передающие коллективную оценку об определенном предмете или факте действительности. При этом ученый делает акцент на том, что коннотации не входят в лексическое значение слова и не представляют собой какие-либо выводы или следствия из данного значения [3. С. 159].

Тем не менее в настоящее время о лексическом значении в современной лингвистике сложилось представление как о «многокомпонентном семантическом целом», в структуру которого помимо сигнификативных и денотативных компонентов значения в качестве факультативного входит и коннотативный компонент [4. С. 56—57]. Лексическое значение учеными рассматривается как достаточно сложная структура, в которую помимо понятийного содержания входит «весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, ассоциаций, смутных как будто бы априорных представлений и всех „добавочных смыслов“, называемых коннотациями» [5. С. 64].

Мы полагаем, что наиболее объективным в этом вопросе является мнение Д.Б. Гудкова, который утверждает, что не следует настолько широко понимать коннотацию. Ученый предлагает называть совокупность элементов, не относящихся к понятийному содержанию слова, лексическим фоном и определяет коннотацию в качестве некоего набора дифференциальных признаков слова, которые не относятся к сигнификации данного слова, но при этом обуславливают употребление данного имени в характеризующей функции, т.е. позволяют выступать ему в позиции семантического предиката [1. С. 45].

Помимо понятия коннотации в связи с предпринимаемой в нашей работе попыткой выявить те особенности, которые обусловили выбор того или иного названия для обозначения объектов звездного неба, нам представляется важным обратиться к рассмотрению понятия «ассоциация», которое находится в тесной взаимосвязи с коннотацией. В вопросе о соотношении данных двух понятий существуют различные мнения ученых. Одни исследователи сближают и даже отождествляют коннотацию и ассоциацию (И.М. Кобозева, Я. Бартминский), другие, наоборот, считают, что коннотация лексической единицы входит «в саму эту единицу» в отличие от ассоциации, которая находится вне «границ» имени и которая приписывается лексической единице языковым коллективом [1. С. 46].

Отсюда мы можем говорить еще об одной значимой особенности кодов — об их *культурной составляющей*. Поскольку ассоциации приписываются лексической единице языковым коллективом, а языковой коллектив — это носитель определенных культурных ценностей, то, соответственно, смысловое значение данных единиц заключает в себе некое культурное содержание. При этом следует отметить, что в одних случаях оно характеризуется прозрачным и совершенно очевидным для понимания значением, в других же случаях оно может быть неясным, непонятным, потерянным с течением времени. Национальная культурная информация, присутствующая в языке, в определенной степени может быть непонятна даже для его носителей, так как в большинстве случаев скрыта во внутренней форме слова и его семантической структуре. При этом, отметим, что данная проблема усложняется тем, что в каждой национальной традиции существуют свои особые формы вербальной репрезентации мира, посредством которой происходит формирование языковой картины мира. «Единицы, являющиеся составляющими этих кодов, наделяются определенными культурными значениями, часть из которых присутствует в „светлой зоне“ сознания представителей той или иной культуры, другие же не осознаются, присутствуют имплицитно, представляя собой своеобразные „лакуны“, их экспликация является результатом лингвокультурологического анализа» [1. С. 39].

В связи с такой постановкой вопроса учеными была предпринята попытка, направленная на рассмотрение глубинных национально и культурно обусловленных смыслов, которая предопределила появление такого понятия, как «коды культуры».

В современной лингвистической науке коды культуры стали важным инструментом, позволяющим проводить успешное изучение и восстановление фрагментов глубинного культурного пространства. Кроме того, коды культуры способствуют выявлению как национально-специфических, так и универсальных особенностей концептуальной картины мира.

Данная тема в настоящее время представляет интерес для многих ученых. Вопросы, связанные с проблемой культурных кодов, рассматривались в работах таких известных лингвистов, как Р. Барт, Д.Б. Гудков, Б.С. Ерасов, Н.И. Жинкин, Э. Кассирер, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Ю.М. Лотман, В.А. Маслова, Т. Парснос, М.К. Петров, М.В. Пименова, В.Н.Телия, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, О.Е. Фролова, Р.М. Фрумкина, М. Фуко, Л.А. Шестаков, У. Эко, Р.О. Якобсон.

В современной лингвистике термин «код культуры» получил различную трактовку.

В понимании Ю.М. Лотмана код культуры — это некий «взрыв», основанный на отношении двух взаимодействующих между собой знаков культуры, которые в семиотическом пространстве могут сталкиваться в качестве полностью тождественных или, наоборот, несоприкасаемых. Ученый считает, что в результате подобных связей создается объемный смысл, постигаемый путем соотношения элементов в их взаимодействии, а также каждого элемента к целому. По мнению Ю.М. Лотмана, после прохождения момента «взрыва» смысловой элемент изменяется и приобретает четкие границы и унифицированность, но при этом соз-

данное смысловое пространство сохраняет информацию о своих прошедших состояниях [6. С. 116].

По мнению М.Л. Ковшовой, правила прочтения кодов культуры задаются самой культурой, и, следовательно, представляют собой «систему знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставшие носителями культурных смыслов» [7. С. 9].

В словаре когнитивных терминов Е.С. Кубрякова отмечает, что код — это «контейнер», в котором у языковых сущностей появляются различные культурные смыслы, формирующие его. В коды могут входить единицы, не являющиеся сами по себе знаками культуры, но которые при этом обладают способностью становиться таковыми при вхождении в ментальное пространство кода.

В концепции Р. Барта коды культуры рассматриваются как некие фрагменты памяти культуры. Ученый называет их «сгустками культурного опыта», культурными тенденциями, мотивами, прецедентами, которые приобрели впоследствии иконический характер и стали знаковыми системами, которые в настоящий момент служат моделями для осмысления явлений культуры, природы и бытия [8. С. 284]. По нашему мнению, данное определение как нельзя более точно отражает особенности космонимов и дает нам возможность рассматривать их в качестве кодов культуры. Так, общепринятое название *Млечный путь*, используемое сегодня не только в повседневной речи носителей русского языка, но и в научной сфере, действительно с течением времени приобрело иконический характер, несмотря на то, что его появление и бытование, безусловно, связано с культурным опытом народа, оно имеет мифологические корни, более того, в нем скрыты архаические представления древнего человека о мире.

Давая определения понятию кодов культуры, многие ученые акцентируют внимание на связи данного понятия с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире.

Так, В.А. Маслова считает, что сознание человека неоднородно: помимо логических структур в нем присутствуют так называемые пралогические (архетипические) структуры, которые имеют такие особенности, как крайнюю эмоциональную интенсивность и момент переживания. В связи с этим она определяет культурный код как совокупность универсальных и национально-специфичных явлений, формирующую национальную картину мира [2. С. 4].

В статье, посвященной исследованию фразеологического состава языка, В.М. Телия соотносит код с базовыми пластами культуры: первосущностями, артефактами, ментефактами и базовыми метафорами в контексте их культурного осмысления.

В.В. Красных в своих работах также отмечает, что коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, подчеркивая, что по своей природе они универсальны, но их проявление в конкретной культуре всегда национально детерминировано и обусловлено определенной культурой [9. С. 298]. Данное утверждение имеет важное значение для обоснования нашего мнения о том, что космонимы обладают определенными универсальными чертами, вместе с тем информация, заключенная в их внутренней форме и семантической структуре, национально детерминирована.

Кроме того, В.В. Красных определяет код культуры как «сетку», «которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [9. С. 297].

Данное определение, которое в настоящее время считается наиболее употребительным, вполне согласуется с мнением ряда ученых, рассматривающих язык, с одной стороны, как *метакод* модели мира, с другой стороны, как *самостоятельный код* этой же модели, при помощи которого возможно воссоздать полностью всю модель мира в полном объеме. Таким образом, код может рассматриваться не только с точки зрения плана содержания (пространственный, соматический, пищевой и др.) и плана выражения (музыкальный, словесный, жестовый и т.д.), но и с позиции трансформации эмпирической реальности в текстах (например, проявление определенного кода в ритуалах, обрядах, фольклорных произведениях, мифах и др.) [2. С. 13]. «Таким образом, те или иные образы и фрагменты мира, обладающие символическим значением, становятся основой различных кодов, которые в определенном смысле оказываются единичными по своему содержанию и описывают мир с позиции человека» [2. С. 13].

Проблема классификации кодов в современной лингвистике не имеет неоднозначного решения.

Так, по мнению В.А. Масловой, в русской лингвокультуре насчитывается несколько десятков кодов.

В.В. Красных полагает, что возможно ограничиться выделением лишь базовых, наиболее «крупных» кодов (соматического, пространственного, временного, предметного, биоморфного, духовного), внутри которых могут быть включены остальные группы кодов [9. С. 298]. Ученый считает, что между культурными кодами не существует четких границ. На примере соматического кода она обосновывает свое мнение следующим образом: «С точки зрения филогенеза и процесса окультурации человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный; пространственный „наложился“ на временной, в значительной степени его обусловив» [9. С. 299].

Акцентируя внимание на пространственном и временном кодах, В.В. Красных отмечает, что пространство и время в сознании человека существуют в неразрывной связи друг с другом, и эта особенность находит свое отражение в языке.

Ученый делает важный вывод о том, что в познании и описании мира «Действительность» присутствуют три основных объекта: *человек, окружающий его мир* (пространство и предметы, его заполняющие) и *время*. В.В. Красных объясняет это следующим образом: «Познавая и осознавая себя, человек переходит к познанию и осознанию себя в мире себе подобных и, таким образом, вступает в мир людей, осознание же времени необходимо ему для того, чтобы разместить события на временной оси относительно друг друга» [9. С. 299].

Как мы уже говорили, В.В. Красных выделяет шесть основных базовых кодов культуры, среди которых присутствует так называемый *духовный код*. При этом его особенностью ученый считает то, что на него «работают» все остальные коды, представленные в классификации. По мнению В.В. Красных, в основе духовного кода лежат нравственные эталоны и ценности, а также имеющие непосредственную связь с ними базовые оппозиции культуры: <верх — низ>, <хорошо —

плохо>, <*добро — зло*>, <*плюс — минус*>. Духовный код «пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [9. С. 308].

Мы, безусловно, разделяем данную точку зрения и согласны с тем, что духовный код — это особый культурный код, который оказывает неоспоримое влияние на всю информацию, «зашифрованную» и скрытую в базовых кодах. Но в силу специфики космонимов, представляющих собой номинативные единицы, появление которых соотнесено с определенным этапом эволюции мифотворческой способности, исходившей из неразрывной связи человека с миром обожествляемой природы, нам представляется, что правильнее будет в нашей работе использовать понятие *сакрального кода*, предложенное Т.Е. Владимировой, которая рассматривает данный код в качестве некоего «таксономического субстрата» первобытной культуры, сложившегося «на религиозно-мифологическом этапе развития сознания, для которого характерны обожествление сущего и космизация как способ перехода от хаоса к гармоничному космосу» [10. С. 6].

Таким образом, рассмотрев теоретические основы по актуальной и активно дискутируемой в современной лингвистике проблематике, связанной с кодами культуры и с особенностями, присущими их единицам, мы попытаемся в нашей статье на достаточно широком материале космонимов Млечного пути, зафиксированных в культурах коренных народов России, обосновать мнение о том, что данные космонимы, с одной стороны, соотносятся с единицами кодов культуры, в которых скрыты важные для каждой отдельной культуры как универсальные, так и национально детерминированные особенности, а с другой — представляют собой важные составляющие элементы, с помощью которых возможно фрагментарно восстановить универсальную модель мира.

Обсуждение

Если говорить о средствах языка, кодирующих культуру, то следует отметить, что наиболее часто объектом научного интереса ученых становятся те лексические единицы, которые номинируют культурно значимые понятия и в основе которых скрыты первостепенные культурные смыслы. В современной лингвистике культурно обусловленное кодовое содержание лексических единиц достаточно подробно проанализировано на материале фразеологизмов, малых фольклорных жанров, а также произведений художественной литературы.

Так, В.А. Маслова, в предложенной ею классификации кодов культуры в отдельную группу выделяет лингвокультурные коды художественной литературы, объясняя это тем, что художественный, фольклорный или поэтический текст создан «не только на базе вербального языка, но и на базе того или иного образного кода или нескольких культурных кодов» [2. С. 74].

В данной статье мы рассматриваем в качестве единиц кодов культуры особый пласт лексики, который служит для наименования небесных объектов. Поскольку в современной лингвистике ранее не высказывалось мнение о том, что космонимы могут быть соотнесены с единицами, имеющими культурно обусловленное кодовое содержание, мы решили попытаться высказать свое предположение и

обосновать его на примере космонимов Млечного пути, представленных в языковой картине мира коренных народов России.

Следует обратить внимание на тот факт, что космонимы имеют ряд особенностей, которые позволяют нам говорить о принадлежности данных языковых единиц к кодам культуры.

Одна из таких особенностей связана со спецификой восприятия небесных объектов. Во-первых, все космические тела находятся вне зоны досягаемости человека и доступны для него лишь визуально. Во-вторых, с поверхности Земли мы видим не сами эти объекты, а лишь их проекции на плоскость звездного неба. Соответственно, при поиске названий для данных объектов человек выбирал уже готовые единицы, которые использовались в языке для именованя «земных» предметов и реалий, таким образом, данные лексические единицы, закрепленные в языке в качестве названий космических тел, становились вторичными номинациями, тем самым входя во вторичную семиотическую систему, что, по мнению ученых, является основным критерием, позволяющим соотносить их с единицами культурного кода. Как отмечает С.М. Толстая, культурные коды имеют важное свойство — вторичность, а именно: первоначально обладая своим собственным «докодовым» значением, элементы кодов впоследствии вторично применяются в коде для обозначения других сущностей и объектов [11. С. 336].

Вторая особенность заключается в том, что наименования для объектов звездного неба создавались в период формирования доклассовых и раннеклассовых обществ, в тот период, когда основным способом осмысления мира служило мифологическое, мифопоэтическое восприятие окружающего пространства. Соответственно, мы можем говорить о том, что космонимы явились результатом овнешнения данного миропонимания, основу которого составляли архаичные представления о неразрывной связи человека и обожествляемой им природы и которые послужили фундаментом для формирования целостной системы мироприятия с присущим ему ценностно-смысловым кодом бытия. Именно поэтому мы полагаем, что космонимы соотносимы в первую очередь с сакральным кодом, так как появление и бытование данных наименований было обусловлено и находилось в неразрывной связи с обожествлением человеком окружающего его пространства и с космизацией, которая послужила основным способом перехода от хаоса к гармонии и миропорядку.

Человек на ранних этапах своего развития пользовался мифологией для того, чтобы объяснить и понять устройство мира, в котором он живет, более того, мы можем говорить о том, что подобное осмысление действительности было первой, начальной формой научного познания.

Таким образом, мы полагаем, что при ответе на вопрос «на чем основано мифологическое сознание?» можно понять специфику происхождения космонимов, а также объяснить, почему при их создании использовались те или иные лексические единицы языка, а при наименовании космических объектов, интересующих астрономов в наши дни, используются четко регламентированные, как правило, условные буквенно-цифровые обозначения.

Здесь, по нашему мнению, следует остановиться на таких особенностях мифологического сознания, как синкретизм мышления, вследствие чего человек не

вычленял себя из природно-космического мира, не противопоставлял себя окружающей его действительности, и неспособность оперировать абстрактными понятиями и делать какие-либо обобщения. Как следствие, все существование человека было полностью подчинено воздействию окружающей среды, в которой отсутствовали четкие границы между ним самим, животными и природой. Восприятие человеком себя в полном единении с природой, а также отождествление себя с ее различными проявлениями обусловили возникновение одной из ранних форм религиозных верований — тотемизма.

Согласно тотемистическим представлениям, появление людей происходило в результате синергетического слияния человека и первопредка-тотема, который отождествлялся с животным или растением, распространенным на территории обитания той или иной племенной общности. В «тотемное пространство» входили не только животные и растения, но и явления природы, а также космические и звездные объекты. Именно по этой причине сегодня на карте звездного неба существует большое количество номинаций, представленных названиями различных животных и птиц, например: *Змея, Овен, Лев, Телец, Лебедь, Журавль* и т.д.

Немаловажное значение при выборе названий небесных объектов имели также географические, природно-климатические, историко-культурные и этнопсихолингвистические особенности национальной коллективной личности.

Все эти особенности, связанные с развитием человеческого сознания, а также с условиями жизни человека, обусловили появление большого количества космонимов не только для обозначения различных космических объектов и не только у представителей разных национальностей и культур, но и привели к возникновению многочисленных дублетных вариантов для именованья одного и того же небесного тела даже у одной и той же народности.

Безусловно, выбор лексических единиц для названий небесных объектов основан на сравнении двух реалий, которые имеют те или иные схожие свойства или качества и, соответственно, могут вызывать одинаковые ассоциации или порождать тождественные образы. Так, например, народные названия Млечного пути передают специфику его формы, цвета и направления, т.е. при их выборе использовались наименования предметов или сущностей, которые имели вытянутую форму (*дорога, путь, река, улица, лыжня, полоса, пояс, луч, коромысло*), а также *белый, молочный* или *серебряный цвет*. Кроме того, в некоторых наименованиях прослеживаются также указания определенного направления (*Дорога на Киев, Дорога к Святыням* и т.д.).

Но не только внешнее сходство разных объектов определяло выбор тех или иных языковых средств для создания космонимов, предпочтение отдавалось именно таким языковым единицам, которые являлись носителями особых значений, единицам, детерминированным определенным культурным кодом, которому они принадлежали.

В нашей работе мы хотели бы сосредоточить внимание на космонимах Млечного пути, зафиксированных в культурах коренных народов России, и на собранном нами материале попытаться проследить особенности создания данных номинаций, их специфику, а также обосновать мнение о том, что данные космонимы возможно рассматривать в качестве единиц кодов культуры. Для того, чтобы

выявить национально-культурную специфику космонимов Млечного пути, а также соотнести их с кодами культуры, обратимся к рассмотрению мифов, легенд и сказаний, зафиксированных в культурных традициях коренных народов России.

Для этой цели мы отобрали семь фольклорно-мифологических мотивов, в основе которых лежат повествования о том, как появился Млечный путь, а также в качестве чего и для чего он использовался. Следует отметить, что в контексте рассматриваемых нами мифологических сюжетов прослеживается следующая особенность: форма Млечного пути предопределила наличие в его наименованиях таких лексических единиц, которые являются изоморфными вариантами понятия «путь», например: *дорога, лыжный след, следы мифологических героев, позвоночник неба, небесный шов, река*.

Единственная лексема, которая присутствует в рассматриваемых мотивах и которая не является изоморфным вариантом понятия «путь», — лексема *молоко*. Если говорить о мотиве *Молоко на Млечном пути*, широко распространенном не только в русской языковой традиции, но и в языковых традициях большинства индоевропейских народов, то мы хотели бы обратить внимание на то, что в традиции коренных народов России данный мотив практически не встречается. Исключение составляет лишь мифологический сюжет, присутствующий в бурятской мифологии, который повествует о возникновении Млечного пути из молока бабушки Манзан Гурме, нацелившей свое грудное молоко и выплеснувшей его вслед обманувшему ее внуку, Абаю Гесеру [12. С. 197].

При этом бурятские космонимы Млечного пути — *Огторгойн Оёдол, Тэнгэриин зүйдэл, Тэнгэриин оёдол* — связаны совсем с другим мотивом — мотивом *Небесный шов*. Основанием для появления в бурятском языке данных космонимов послужил сюжет космогонического мифа, согласно которому небо изначально представляло собой бесформенное пространство, которое постоянно распадалось на части и из которого высыпались звезды. Именно по этой причине боги решили зашить его, после чего на небе остался шов — Млечный путь. По одному из вариантов мифов о Млечном пути, небесный шов стал использоваться в качестве моста, по которому ходят тенгри (99 верховных небесных божеств высшего шаманского пантеона) [12. С. 197]. По другой версии, Млечный путь превратился в дорогу для бурханов — богов, которые также ходят по этой дороге и судят людей.

О существовании данного мотива в мифологической традиции тувинского и якутского народов свидетельствуют такие космонимы Млечного пути, как *Дээр тии (Шов)* у тувинцев и *Халаан сиигэ (Небесный шов)* у якутов.

Но кроме номинации *Халаан сиигэ (Небесный шов)* у якутов существует еще один космоним Млечного пути — *Уолун хайыһарын суола (Лыжня, проложенная сыном Айыы)*, который соотносится с другим мотивом — *Лыжный след*. Согласно сюжету якутского мифа, Млечный путь — это след от лыж, оставленный сыном неба после его охоты на оленя [13. С. 682].

Следует отметить, что данный мотив имеет достаточно широкое распространение у народов Западной и Восточной Сибири — обских угров (ханты и манси), вогулов (манси), лесных ненцев, энцев и эвенков. Сюжеты, представленные в культурах данных народов, очень похожи между собой. Как правило, культурный герой (сын бога, мифический герой или первопредок) того или иного народа го-

няется за шестиногой оленихой или лосихой, пытаясь поймать ее, но ему удается лишь перебить ей две ноги. Лыжный след, оставшийся в результате этой погони, становится Млечным путем. Более архаичный вариант данного сюжета, соотносимый с древними представлениями о тотеме-первопредке, присутствует в мифологической традиции эвенков-орочононов: в роли охотника за солнечным лосем-оленьем здесь выступает космический медведь Манги.

Еще один мотив *Следы мифологических героев* зафиксирован в культурной традиции кетов и селькупов. Отличие данного мотива от предыдущего заключается в том, что в некоторых сюжетах мифов об оставленных на небе следах мифологических героев сами герои не победители и удачливые охотники, а, наоборот, жертвы, которые замерзают от холода и погибают, а оставленные ими на небе следы превращаются в Млечный путь. Так, согласно сюжету селькупского мифа, в роли такого мифического героя выступает сын небесного бога Нома — Ия (Ий), в кетском мифе это сын неба Есь. Но в мифах кетов, повествующих о появлении Млечного пути, присутствуют и другие сюжетные варианты: по одной версии, Млечный путь — это следы богатыря Альбэ, оставленные им на небе в результате преследования злой богини, по другой, — это следы первого шамана Доха, восходившего на небо, к Солнцу. Наличие подобных сюжетных вариантов, вероятно, связано с синкритизмом функций шамана и культурного героя, вследствие чего одни кеты называют Млечный путь *След Доха*, другие — *Путь Альбэ* [12. С. 642].

Мотив *Птичьей дороги*, который получил распространение не только в культуре народов России, но и в мифологических традициях скандинавских народов, на территории Сирии и Ирана, в Средней Азии (Туркестане), Европе и в Северной Америке (Канада), обусловил появление многочисленных космонимов Млечного пути в языковых традициях коренных народов России.

В языках коренных народов России данный мотив встречается также достаточно часто. Он представлен в мифологической картине мира народов Поволжья, Севера, а также народов Западной и Восточной Сибири. При этом принадлежность данных народов к разным языковым группам не стала преградой в процессе создания схожих космонимов Млечного пути, что, скорее всего, возможно объяснить многовековым соседством данных народов.

Среди народов Сибири мотив *Птичьей дороги* представлен в номинациях Млечного пути у хантов, манси (Дорога диких уток), северных селькупов (Дорога летних птиц) и среднеамурских эвенков. Более того, у хантов и манси Млечный Путь ассоциировался с дорогой уток, водоплавающих птиц и с направлением их перелета, что нашло отражение в номинации *Южная дорога птиц*.

В языковой традиции народов Волго-Камья многие космонимы Млечного пути из финно-угорских и тюркских языков имеют дословный перевод ‘Дорога птиц’ или ‘Птичий путь’. Более того, в некоторых наименованиях конкретизируются определенные виды птиц, например: *киек каз юлы* (путь диких гусей) у татар, *Каик-хор-своле*, *Кайък хур Сулё* (дорога диких гусей) у чувашей, *Кош (каз) Юлы* (дорога гусей) у башкир, *Каргонь ки* (путь журавлей), *Вирь мацеень (мацына) ки* (диких гусей дорога) у эрзя и мокши, *Кайыккомбо корно* (диких гусей дорога) и *Юмон-комбэ-корнэ* (божья дорога гусей) у марийцев, *Луд зазег сюрес* (гусиный

путь), *Луд жсяжсек шурэс* (Дорога диких гусей) у удмуртов, *Дзо-дзог туй* (диких гусей путь) у коми-зырян.

Космонимы Млечного пути, связанные с мотивом *Птичьей дороги*, у народов Поволжья (мари, удмуртов, башкир) возникли на основе легенды, в которой воспроизводится практически один и тот же сюжет, и различие между его вариантами состоит лишь в конкретизации разных видов птиц: у марийцев это гуси, у удмуртов и башкир — журавли. В качестве примера приведем башкирскую легенду, которая является одним из вариантов сказания о возникновении Млечного пути:

Однажды, когда холодной осенью журавли улетали в теплые края, поднялся сильный ураган. Журавлята стали блуждать и биться в небе, а некоторые от усталости падали на землю. Тогда взрослые журавли, чтобы указать путь отстающим, стали рассыпать по небу свои перья. Эти перышки тотчас превращались в звезды... Отставшие журавли возвращались по этой звездной дороге. Потому эту дорогу люди называли Млечным путем, или Дорогой птиц [14].

В чувашской и коми мифологической традиции существовало представление не только о том, что птицы осенью летят вдоль направления Млечного пути, который служит им в качестве ориентира, но и о том, куда летят птицы. Так, у чувашей считалось, что лебеди совершают путь к некоему Молочному озеру, на котором они живут до своего возвращения весной, а дикие гуси направляются на юг, чтобы достичь Кавказских гор. В представлении коми гуси летят к теплому острову, который расположен на южном конце Млечного пути.

Рассматривая следующий мотив *Млечный путь — река*, отметим, что он присутствует в мифологической традиции южных селькупов, нанайцев, чукчей и коряков. В представлении южных селькупов Млечный путь — это каменная река, которая течет по небу, а затем, спускаясь на землю, становится Обью, связывая таким образом мир. Нанайцы называют Млечный путь Отражением Амура, коряки — Песчаной рекой, Мутной рекой или Глинистой рекой, а в представлении чукчей Млечный путь, именуемый также Песчаной рекой, течет в направлении на запад и имеет множество островов.

И последний мотив, который был зафиксирован нами в культурной традиции коренных народов России, — *Млечный путь — позвоночник неба*, который присутствует в культурах двух народов Западной Сибири: ненцев и нганасанов, причем данный мотив, в основе которого присутствует универсальный образ мировой опоры, на которой держится Вселенная, не получил широкого распространения среди коренных народов России. У нганасанов Млечный путь именуется Небесным спинным хребтом, у ненцев же зафиксировано два космонима Млечного пути — Хребет неба и Позвоночник неба, причем образ, лежащий в основе последнего космонима, связан с представлением о мировом столпе, на котором расположено семь железных лиственниц с железными колыбелями.

Таким образом, несмотря на то, что из тридцати фольклорно-мифологических мотивов, связанных с повествованиями о появлении Млечного пути и зафиксированных в культурах народов мира, только семь нашли свое отражение в мифологической картине мира коренных народов России, данные мотивы представ-

лены на достаточно широком материале. Наличие сюжетных вариантов и различных интерпретаций тех или иных мифов, легенд и сказаний о Млечном пути не только у разных народов, но и в пределах одной культурной и языковой общности, а также существование нескольких дублетных космонимов в языковой культуре одной и той же народности позволяют нам наиболее полно и четко представить и понять, какие особенности и механизмы обусловили создание тех или иных номинаций Млечного пути и на чем они были основаны.

Выводы

Все космонимы Млечного пути представляют собой вторичные языковые единицы, что обусловлено спецификой восприятия Млечного пути. Немаловажное значение в этом вопросе имеет период создания данных номинаций. Появившиеся в языке в далекой древности космонимы были основаны на достаточно ярких и запоминающихся образах. Соответственно, образная структура и мотивы были непосредственно продуктом тех представлений и того миропонимания, которое было свойственно человеческому сознанию в архаическую эпоху. Синкретизм, «невычлененность» человека из природы, неспособность к обобщению и понятийному мышлению стали теми первопричинами, которые обусловили возникновение многочисленных мифов, легенд и сказаний, на основе которых появлялись те или иные названия для небесных объектов. Для сравнения отметим, что в современном мире для создания космонимов учеными практически уже не используются вторичные номинации: вновь открытым космическим объектам присваиваются, как правило, буквенно-цифровые названия для их идентификации.

На выбор номинаций для космических объектов также оказывали влияние географические, природно-климатические, религиозно-мифологические, историко-культурные, а также этнопсихолингвистические особенности национальной коллективной личности. Именно поэтому мы можем рассматривать космонимы как результат, «фиксацию» основных, важных для человека реалий окружающей его действительности.

Данные особенности нашли свое отражение не только в мифах и легендах, но в космонимах Млечного пути. Так, в мотивах *Небесный шов* и *Позвоночник неба* прослеживается представления древних людей об устройстве мира. Мотив *Птичьего пути* не случайно получил широкое распространение в языковой культуре коренных народов России, поскольку в нем отражаются отголоски древних тотемистических представлений. Кроме того, принадлежность птиц к верхнему, обожествляемому небесному миру в системе архаического мироздания также оказало влияние на появление многочисленных космонимов Млечного пути, связанных с данным мотивом. Мотив *Река* возможно, по нашему мнению, соотносится с универсальным образом, в основе которого лежит одна из базовых оппозиций культуры: <земной — небесный>. Как правило, данный мотив появлялся и получал распространение у народов, населявших долины рек, имевших жизненно важное значение для существования людей. Мотивы *Лыжный след* и *Следы мифологических героев* отражают не только появление в мифологической традиции коренных народов России образа культурного героя, но и отражают особенности

жестких природно-климатических условий, в которых приходится жить этим народам. Следует также отметить, что особенности религиозно-мифологических представлений, а также особенности промыслово-хозяйственной деятельности также отражены в данных мотивах.

Если попытаться распределить представленные в статье космонимы, объединенные на основе того или иного фольклорно-мифологического мотива, с кодами культуры, то, по нашему мнению, мотив *Птичья дорога* может быть соотнесен с зооморфным кодом, *Позвоночник неба* — с соматическим кодом, *Небесный шов* — с космогоническим кодом, *Река* — с природно-ландшафтным кодом, *Молоко* — с пищевым кодом, а мотивы *Лыжный след* и *Следы мифологических героев* — с предметным.

Вполне возможно, что подобное распределение мотивов в соответствии с теми или иными кодами культуры не является единственно правильным вариантом, но в данной классификации мы опирались именно на ту лексику, которая представлена в космонимах. Кодированная же данными номинациями информация, по нашему мнению, подлежит дальнейшему изучению.

Таким образом, мы можем говорить о том, что космонимы могут рассматриваться в качестве единиц кодов культуры, тем более что информация, обусловившая выбор того или иного космонима, для древнего человека была совершенно понятна и очевидна, в отличие от современных людей, для которых она завуалирована и непонятна, поскольку была стерта и забыта с течением времени.

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39—50.
2. Маслова В.А. Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.
3. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Избр. труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
4. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. Барнаул: Изд-во Алт. гос ун-та, 2002.
5. Складневская Г.Н. Прагматика и лексикография // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010.
7. Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007.
8. Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 512 с.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
10. Владимировна Т.Е. Сакральный код евразийских мифов о тотеме-первопредке // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 5—18.
11. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. С.А.Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.А.Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991.
14. Башкирские предания и легенды // сост. Фануза Надршина. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1985.

References

1. Gudkov, D.B. 2004. “Yedinici codov culturi: problemi semantiki”. *Yazik, soznaniye, kommunikaciya* 26: 39—50. Print. (In Russ.).
2. Maslova, V.A. 2018. *Codi lingvokulturi*. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (In Russ.).
3. Apresyan, Yu.D. 1995. “Connotaciya kak chast pragmatiki slova”. In Selected works. Vol. II. *Integralnoye opicaniye yazika i sistemnaya leksikografiya*. Moscow: Yaziki russkoy culture. Print. (In Russ.).
4. Lukashevich, E.V. 2002. *Cognitivnaya semantica: evolutionno-prognosticheskiy aspect*. Barnaul: Alt. State University publ. Print. (In Russ.).
5. Sklyarevskaya, G.N. 1995. “Pragmatica I lexicographiya”. In *Yazik — systema. Yazik — tekst. Yazik — sposobnost*. Moscow. Pp. 63—71. Print. (In Russ.).
6. Lotman, Yu.M. 2010. *Semiosphera*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb publ. Print. (In Russ.).
7. Gudkov, D., Kovshova, M. 2007. *Telesniy cod russkoy culturi*. Moscow: Gnosis publ. Print. (In Russ.).
8. Bart, R. 2004. *Systema modi: Stanyi po semiotike culturi*. Moscow: Isd-vo im. Sabashnikovih. Print. (In Russ.).
9. Krasnykh, V. 2003. *Svoy sredi chushih: myf ili realnost?* Moscow: Gnosis publ. Print. (In Russ.).
10. Vladimirova, T.E. 2017. “Sacralniy cjd yevraziyskih mifov o toteme-pervopredke”. *Siberian Philological Journal* 3: 5—18. Print. (In Russ.).
11. Tolstaya, S.M. 2008. Prostranstvo slova. *Lexicheskaya semantika v obsheslavanskoi perspective*. Moscow: Indrik publ. Print. (In Russ.).
12. *Myfi narodov mira*. Encyclopedia: in 2 vol. 1991. Chief editor S.A.Tokarev. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. Vol 1. Print. (In Russ.).
13. *Myfi narodov mira*. Encyclopedia: in 2 vol. 1991. Chief editor S.A.Tokarev. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. Vol 2. Print. (In Russ.).
14. *Bashkirskiye legendi i skazaniya*. 1985. Composed by Fanuza Nadrshina. Ufa: Bashkirskoye knishnoye izdatelstvo. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Яковлева Светлана Васильевна — педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: smsfamily2@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9036-9378

Bio Note:

Svetlana Vasilievna Yakovleva is a teacher of additional education of the Department of the Russian Language and Intercultural Communication of the Institute of the Russian Language of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: smsfamily2@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9036-9378